

Прутик

Это картина необычна хотя бы потому, что вы можете увидеть на ней две даты. Первая - относится к самому рисунку, вторая – к завершению картины в цвете. А между ними - пауза в несколько лет. У меня несколько подобных картин (это к вопросу о том, как быстро работает художник – в каждом отдельном случае все очень по-разному, друзья мои).

Сегодняшняя картина, про горевание, уязвимость, хрупкость и человечность. А еще про стойкость гибкого прутика, который гнется в непогоду, но не надламывается...

Сейчас в голову приходит также и метафора оцепенения, как защитной реакции психики на травму... Характерно, что сюжет я нарисовала довольно давно, но только в линии, совсем без цвета. Нарисовала и убрала в папку на несколько лет. Было ли мне страшно соприкоснуться с переживаниями, стоящими за образом? Было. И я отложила картину до тех пор, пока работа горя не будет проделана полностью. Было важно зафиксировать переживание в образе, чтобы не изолироваться от него совсем, оставить дверь приоткрытой... Для того, чтобы вернуться и войти в нее, когда у эго появится на это ресурс. Несколько раз рисунок попадался мне на глаза, но желания завершить его не возникало. Хотя образ уже разворачивался внутри и делал свою работу. Вплоть до этой весны...

Поделюсь с вами воспоминаниями из своей тетради:

«Переживание непростой жизненной ситуации вылилось в образ девушки, состоящий из ветвей кустарника и стеблей травы, осыпающихся на осеннем ветру... Омраченное тьмой сознание не желало успокаиваться, пока образ не был перенесен на лист. Позже, когда темнота отступила, мне захотелось уничтожить рисунок, но работа получилась по-своему интересной. В итоге я пожалела травяную девчонку - пусть будет, войдет в мои трансформационные страницы.

Первый раз за долгое время я рисовала в помраченном состоянии сознания - странный и пугающий опыт, когда совершенно непонятно, что владеет твоей рукой, а рисунок будто бы создает себя сам. Ты же наблюдаешь за процессом из какой-то неведомой далекой дали.

Почему-то, было очень важно успеть. Я рисовала торопливо, торопливее чем делаю это обычно, практически ничего не исправляя и полностью отдавшись чувствам, в то время, пока моя рука набрасывала поворот головы, худенькие руки-стебли и листья, кружащиеся на ветру...

Интересно, что в моем воображении, этот образ был, скорее, скульптурой, отлитой в бронзе, а на бумаге он стал растением и ветром. То есть получил динамическую составляющую, которой не было в изначальном замысле, где была просто отлитая в бронзе боль, застывшая и статичная».

Так на то, что я проделала в рисунке за вечер, моей психике понадобилось несколько лет...

И вот теперь, когда я взялась за краски и стала писать фон, то перед моими глазами возникли августовские сумерки, их краски: последний золотой луч уходящего солнца, в котором кружатся паутинки и крохотные пылинки, в прозрачном воздухе уже мало летнего тепла, а звезды в чернильном небе большие-пребольшие... и некоторые даже – смотрите (!), падают... В это время года, как-то особенно остро ощущается собственная бренность и конечность, на душе горестно, все вокруг воспринимается в мельчайших деталях, но чувства уже успокоились... И на сердце - такая усталая нежность ко всему... Принятие, печаль, благодарность и покой... Вот теперь, пожалуй, можно и закрыть эту дверь – я ставлю второе число и подпись.

В завершение, хочу поделиться с вами стихотворением Лины Сальниковой:

Капля живого.

Может, болью нам кто-то указывает на нужное.

Может, так говорит нам, что это — уже вчерашнее.

Иногда мы сидим затаившимися зверушками,

иногда неприкаянно бродим под сводом рухнувшим,

иногда — можем делать реальное из бумажного.

В каждом прядке, слезинке, прожилке хранится вечное.

Затихает с унынием, снова живет, отважное.

Может, боль — это путь, память целого, искра Млечного.

Непременная капля живого и человеческого.

Чтобы каждый однажды понял себя и каждого...